

Л. Л. Змиевская
ЧУТЬ ВОСПОМИНАНИЙ...

В моей трудовой жизни были работа и ситуация, о которых я никогда не смогу забыть.

Все началось осенью 1959 года. Наш отдел программирования, возглавляемый Андреем Петровичем Ершовым, территориально размещался в Институте математики им. Стеклова АН СССР. Там нам было выделено несколько комнат, рядом с кабинетом С. Л. Соболева. В этом же здании на 1-ом этаже располагался Вычислительный центр, обслуживавший наряду с сотрудниками Стекловки и нас.

В отдел обратился заказчик, сейчас уж не помню кто, с просьбой найти обратную матрицу для заданной матрицы 436 порядка.

Выбор пал на меня и Вадима Янкова. Исходная матрица была “дырявой”, как сито: очень много нулевых элементов. В поиске алгоритма мы с Вадимом остановились на алгоритме обращения матриц, предложенном в свое время Андреем Петровичем.

Первый этап — написание программы и ее отладка — занял не слишком много времени. На этом этапе работу вели я и Вадим Янков.

Второй этап — подготовка данных — осуществляла уже я одна. Это была трудоемкая работа, долгая и нудная. Тогда я научилась и “читать”, и править информацию на перфоленте: на месте с ошибкой недостающую дырочку пробивать, лишнюю — заклеивать. Главное — точно локализовать то место, куда следовало приложить руку в прямом смысле этого слова.

Третий этап — собственно счет по отлаженной программе — начался где-то весной 1960 года.

В январе того же года я вышла замуж, и когда пришел месяц июль, я решила поехать в первый раз к родителям мужа. Им не терпелось со мной познакомиться.

Андрей Петрович в это время был в отъезде. С разрешения того, кто его замещал по Отделу (кажется, Гены Кожухина), я с чистой совестью уехала отдыхать. К тому времени было сделано несколько десятков “шагов” по пути приближения к желанной обратной матрице.

В положенное время я появилась на работе. И тут грянул гром! Андрей Петрович узнав, что матрица все еще не обращена, что вместо того, чтобы в поте лица трудиться, я разъезжаю по гостям, он в первый (и слава Богу в последний!) раз в моей жизни, не повышая голоса (но металл в голосе был явно!), сделал строгий выговор за то, что личные интересы я поставила выше производственных! И это несмотря на симпатию, которую я всегда чувствовала по отношению к себе.

Слезы градом покатались из моих глаз! Извинившись, я убежала, умылась, успокоилась и, вернувшись, пообещала приложить все силы, чтобы как можно скорее закончить обращение злополучной матрицы.

Счет шел на отечественной машине БЭСМ-2. Хотя она для того времени и была на высоте, но ее быстродействия и надежности для решения больших задач было, конечно же, недостаточно.

Времени просили много. Его давали, но как правило ночью. Благо, жили мы тогда уже в Черемушках, до работы пешком минут 15–20. Время в стране было спокойное. Так что и прийти на работу, и уйти домой ночью было не проблема.

Любо-дорого вспоминать: сидишь за пультом ночью одна в огромном зале, магнитные ленты крутятся, лампочки тебе подмигивают. В комнате рядом с машинным залом дежурные инженеры. Они развлекают себя игрой или просто спят. Когда машина сбивается, не паникуешь, а пускаешь тесты и призываешь на помощь инженеров, часто показывая ту ячейку, которую надо заменить.

“Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается!”

В октябре я поняла, что в июне 1961 года стану мамой. Все наши уезжали в Академгородок с намерением заняться транслятором с Алгола-60, изучение которого началось еще в Москве на семинарах Отдела. А я и Софья Давыдовна Тартаковская, определенная мне в помощники, оставались в Москве — заканчивать обращение надоевшей матрицы. Ничего нового и интересного в этой работе уже не осталось, надо было только добить, дожать до конца все 436 итераций.

В начале апреля 1961 года я ушла в декретный отпуск. К тому времени из 436 итераций были просчитаны более 410.

Но “чем дальше в лес, тем больше дров”! Каждая следующая итерация давалась с большим трудом — машина сбивалась, и опять надо было повторять просчет. Не была готова БЭСМ-2 ни по памяти, ни по быстродействию для решения таких громоздких задач. Важно было иметь длительный период стабильной работы, без сбоев.

Закрывать амбразуру собой пришлось одной Софье Давыдовне. В конце 1961 года, успешно завершив давно и не ею начатую работу, она наконец-то смогла уехать в Академгородок.

А я появилась в Академгородке с маленьким сынишкой весной 1962 года. Работа над Альфа-транслятором шла полным ходом. Но и для меня нашлось дело, чему я была несказанно рада.

Конечно же, Андрей Петрович не допускал и мысли, что работа по обращению той матрицы 436 порядка окажется такой продолжительной! Он думал, что еще пару месяцев, июль–август 1960 года, и результат будет достигнут. С такими мыслями он имел полное моральное право на тот тон и те слова!

Я на Андрея Петровича за давние горячие слезы не в обиде! Они помогли мне осознать, что, работая в коллективе, всегда надо помнить о чувстве долга и ответственности перед ним.